

Aleksander Kiklewicz

Концептуальная метафора : универсальность или идиосинкратичность?

Acta Polono-Ruthenica 9, 249-261

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Aleksander Kiklewicz
Olsztyn

Концептуальная метафора: универсальность или идиосинкратичность?

Когнитивная семантика отказалась следовать сформировавшейся в XX в. традиции, согласно которой метафора понималась как элемент дискурса, как семантический эффект, обусловленный контекстом ситуации. С когнитивной точки зрения метафора представляет собой свойственный естественным языкам способ кодирования информации (Lakoff/Johnson 1980: 3). В лингвистической семантике произошла смена объекта исследования: если для I. Richardsa, M. Blacka, J. Searle'a или D. Davidsona объектом были живые, в частности, поэтические метафоры, то G. Lakoff и M. Johnson сконцентрировали внимание на широко распространенных в языковой деятельности человека конвенциональных (стертых, мертвых) метафорах, или катахрезах.

Разграничение катахрезы и живой метафоры хорошо известно в общем языкознании. Так, А. А. Реформатский в своем классическом учебнике писал: „Полисемия, т.е. многозначность, свойственна большинству обычных слов” (1967: 75). Тот же Реформатский различал метафору в языке – как факт языковой компетенции, и метафору как художественный троп. В первом случае, указывал Реформатский (*ibidem*: 76), слово является названием определенной вещи или понятия, а во втором содержит в себе два плана: „прямое название” и „образное прозвище”, что „создает совмещение двух планов и образную *игру* совпадения и несовпадения прямого и переносного названий”.

Если в порождающей и интенциональной семантике, в соответствии с доктриной аналитической философии, метафора, во-первых, была объектом *описания*, во-вторых, рассматривалась в рамках сложной, многоуровневой семантической структуры высказывания (основанной на упорядоченном множестве семантических оппозиций: референция – дескрипция, аргументы –

* Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта № 2-HO1D-023-22, финансируемого Комитетом научных исследований (Komitet Badań Naukowych).

предикаты, ассерция – пресуппозиция – импликация, предикация – интерпретация, пропозиция – пропозициональная установка, пропозиция – актуализация, номинативные – дистрибутивные (селективные) признаки и т.д.), то когнитивная теория, оценивая данный подход как механистический (Lakoff охарактеризовал его как „семантику болтов и гаек”), предложила *объяснительную* модель языка: метафора представляет собой не семантическую деривацию, которая реализуется линейном семантико-синтаксическом контексте, а виртуальный *семантический геиштальт*, с которым не только соотнесена серия языковых номинаций (конвенциональных или „новых”), но который также указывает на способ организации познавательной деятельности человека. W. Martin (1997) показывает, что метафорические и метонимические процессы являются характерным свойством хранения познавательной информации в виде фреймов. В соответствии с доктриной когнитивизма метафора находится вне языкового материала и вне дискурса: как часть интеллектуальной системы человека, она представляет собой антропологический феномен и синергетический („экологический”, как пишет G. Lakoff – 1987) фактор речевой деятельности (ср. также: Anuth 1998). Такова, к примеру, метафора СПОР ЕСТЬ ВОЙНА (ARGUMENT IS WAR), которую непосредственно нельзя эксплицировать в содержании высказываний типа:

- (1) *Your claims are indefensible*
- (2) *He attacked every weak point in my argument*
- (3) *His criticisms were right on target*

Если модальная и интенциональная логика изучает семантическое „настоящее” знака, то когнитивисты изучают его семантическое „прошлое”, т.е. некоторую ментальную основу, которая лежит в основе номинации (Кустова 2000: 86) и которая обычно имеет также исторический, архаический характер. Представление о метафоре как о трансцендентном, виртуальном феномене, своего рода когнитивном императиве речевой деятельности идеально вписывается в контекст современной постмодернистской парадигмы, для которой характерна идея композиционности языковой и неязыковой семантики (Sinha 1999: 223).

Принципиальная новизна теории Lakoffa/Johnsona состоит в когнитивном подходе (Leezenberg 2001: 136), хотя идея такого подхода в 30-е годы XX в. была сформулирована I. Richards’ом, а еще раньше о метафоре как о способе концептуализации, а именно – символической, магической основе познания, писал E. Cassirer (1990). Собственно, признание того факта, что метафорическая номинация отражает мыслительные и познавательные

особенности человека, довольно широко представлено в лингвистической литературе. Так, К. К. Жоль (1984: 95) пишет, что „так называемое переносное значение и есть установление аналогии между двумя понятиями”. А. Furdal (1990: 220) указывает, что познавательная сущность метафоры заключается в экспликации общих свойств, которые имеются в содержании понятий, занимающих разные места в семантической системе языка (ср. также: Симашко/Литвинова 1993: 202). Во всех этих случаях речь идет о метафоре как отношении (или взаимодействии) уже готовых, закодированных в сознании понятий, признаков, идей. Новизна же теории Lakoffa/Johnsona заключается в том, что метафора рассматривается как способ *генерирования* понятий, как свойственный человеческому сознанию и отражающийся в фактах языка тип *ре-презентации* (*knowledge representation*), т.е. сохранения в памяти ранее полученных впечатлений.

В основе когнитивного подхода к метафоре, как справедливо указывают исследователи (Taylor 1989: 133; Leezenberg 2001: 135), лежит *интеракционистская трактовка* метафоры, которая рассматривает смысл метафорического выражения как результат взаимодействия двух значений (или субъектов) – главного и вспомогательного: „к главному субъекту прилагается система *ассоциируемых импликаций*, связанных со вспомогательным субъектом” (Black 1990: 167; 1979: 28; см. также: Bernáth 2001: 19).

С когнитивной точки зрения функциональная значимость метафоры проявляется в том, что с помощью ассоциируемых импликаций одной познавательной модели (категории, домены) конструируется познавательная модель нового объекта (или группы объектов), вводимого в опытную область человека. Тезис о том, что все операции нашего опыта по своей природе интерактивны (Lakoff/Johnson 1980: 178), занимает центральное место в когнитивной теории метафоры.

Интеракционистская теория перекликается с *диалогической* (корреспондирующей) концепцией мышления и внутренней речи, которую в первой половине XX в. предложила русская психологическая школа во главе с Л. С. Выготским, а также филологическая семиотика М. М. Бахтина. Коммуникация – это лишь частный случай диалогичности, которая может быть реализована не только во внешней, но и во внутренней речи (Киклевич 2000: 69). Выготский, которому принадлежит афористическое высказывание „Мысль – это речь, обращенная к самому себе”, писал: „Эгоцентрическая речь [...] возникает на основе социальной путем перенесения ребенком социальных форм поведения, форм коллективного сотрудничества в сферу личных психических отношений” (1982: 56).

Если М. Black (1979: 39) осторожно пишет, что по крайней мере некоторые метафоры используются как познавательные инструменты („some metaphors are what might be called *cognitive instruments*”), при этом считает, что когнитивная функция языковых номинаций лишь вспомогательная, то Lakoff/Johnson высказывают подобное суждение категорически:

[...] Metaphor is not just a matter of language [...] We shall argue that, on the contrary, human *thought processes* are largely metaphorical [...] The human conceptual system is metaphorically structured and defined (1980: 6).

Следует отметить, что значительно раньше в работах, посвященных афазии, R. Jakobson рассматривал метафору и метонимию как такие способы конденсированной реализации принципа селекции и принципа комбинации в построении языкового дискурса, которые непосредственно связаны с особенностями функционирования мозга (1989: 169сс.).

Метафора с когнитивной точки зрения представляет собой *проецирование (mapping)* знаний о сущностях одного рода на восприятие и понимание сущностей другого рода. В операции проецирования участвуют два объекта: 1) исходная концептуальная область (модель) – донор, источник, эффектор (*donor/source domain*) и 2) определяемая концептуальная область – рецептор, цель (*receptor/target domain*). При дискурсивно-пропозициональном подходе считается, что понятие формируется в сознании путем интеллектуального расчленения наблюдаемого явления, выделения существенных признаков, приписывания им символов и построения пропозициональной модели. Ср. построенную в соответствии с данными критериями экспликацию понятия спора:

X спорит с Y = ‘X обсуждает с Y-ом Z; X думает о Z-е иначе, чем Y; X стремится к тому, чтобы Y думал о Z так же, как думает о нем X’

Lakoff/Johnson рассуждают иначе: высказывания приведенного типа, по их убеждению, указывают на то, что понятие спора в обыденном сознании формируется на базе понятия войны. Концептуальная метафора спор – это война представляет собой своего рода *порождающую модель*: она указывает на то, что имеется хотя бы один существенный признак, который является общим для обоих понятий, т.е. существуют интервалы абстракции, в которых носители двух понятий не различимы. Это стимулирует когнитивную активность субъекта, состоящую в том, что, конструируя некоторую познавательную категорию, он должен актуализировать в своей когнитивной системе такие домены и такие их свойства,

которые могли бы функционировать в качестве упомянутых интервалов неразличения. При таком подходе понятие спора получает иную экспликацию:

X спорит с Y = 'X делает по отношению к Y-у так, как X делает, когда воюет с Y-ом'

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский (1997: 14) описывают механизм метафорической проекции как *сукцессивный процесс*, в котором одна операция сменяет другую (см. также: Martin 1997). Определяемая таким образом когнитивная метафора соответствует введенному G. Bateson'ом (1988) понятию *абдуктивного мышления*, которое базируется на умозаключениях по аналогии. Так, в соответствии с правилами дедуктивного вывода мы строим категорический силлогизм: *Люди смертны, Сократ – человек → Сократ смертен*. Абдуктивные силлогизмы имеют вид: *Трава умирает, Люди умирают → Люди – это трава*. Несмотря на то, что подобный способ рассуждения не соответствует правилам классической логики, Bateson считает его естественным и широко распространенным в обыденном и научном сознании и даже утверждает, что „силлогизм травы” функционирует как общая биологическая схема поведения (т.е. проявляющаяся также в животном мире).

М. Black (1979: 25) подчеркивает неповторимый и креативный характер метафор, считает, что они не сводимы к реестру семантических правил. Lakoff/Johnson, напротив, стремятся к идентификации и обобщению метафорических проекций. Получаемые таким образом концептуальные метафоры типа спор – это война или психика – это машина составляют основу когнитивной системы человека, регулирующей его речевую и неречевую деятельность.

Считается, что число образных схем репрезентации, на которых базируются метафорические модели, невелико. К основным таким схемам относятся (Lakoff 1987: 271ссл.; Johnson 1987: 112ссл.): контейнер, дорога и путешествие, дистанция – близость/отдаленность, контакт – соединение/разъединение, передняя – задняя часть. часть – целое, линейная последовательность, верх – низ и др. Один из первых опытов экспликации подобных семантических проекций принадлежит русскому математику В. А. Успенскому (1979/1997), который выделил несколько типов „вещных конотаций” абстрактных существительных, рассматривая их как „компактный, синкретический способ кодирования” семантической информации.

Одним из важнейших постулатов когнитивной теории метафоры является *постулат всеобщности* (Jäkel 1997; 1998; 2002): метафора не является специфическим феноменом поэтической или риторической деятельности – она широко представлена также в практике обыденной разговорной речи и в разного рода специализированных дискурсах, что и обуславливает необходимость описания метафоры как существенной части общей языковой компетенции человека.

В пользу универсальности метафор – и как способа языковой номинации, и как типа познавательной деятельности – приводятся разнообразные свидетельства: метафора охватывает знаковые единицы разного формата – от функциональных (синсемантических) лексем (например, предлогов) до идиоматических выражений и даже целых метафорических (аллегорических) текстов (типа *Парфюмера* P. Süskinda или устных интеррогативных дискурсов в групповом психотренинге, см.: Вачков 2000: 119ссл.). Одно из принципиальных положений *Мифологии* R. Barthesa состоит в том, что мифы представляют собой не только образные и „несоответствующие” рассказы, – они используются в каждодневной интеллектуальной практике как естественный способ осмысления окружающего мира, структурирования знаний (см. также: Nerlich/Hamilton/Rowe 2002). Подобное утверждение находим в книге Lakoffa /Johnsona:

Like metaphors, myths are necessary for making sense of what goes on around us. All cultures have myths, and people cannot function without any more than they can function without metaphor. And just as we often take the metaphors of our own culture as truths, so we often take the myths of our own culture as truths (1980: 185–186).

Метафора характерна для всех стилей и жанров – не только художественного, публицистического и разговорного, но также официально-делового (административного) и научного. В литературе (Bateson 1988) можно встретить ссылки на выдающихся деятелей науки, которые заявляли, что думают преимущественно метафорическими образами или „специально воображаемыми конструкциями”.

Л. М. Алексеева, ссылаясь на научные метафоры *язык, корень, оборот, связь* (в лингвистике), *время, пространство, сила, давление, масса* (в физике), пишет о том, что „весь исторический путь развития науки отмечен созданием метафорических вех, по которым можно [...] восстановить картину научного творчества” (1998: 27).

И все-таки постулат всеобщности нуждается в существенных оговорках.

Если рассматривать языковую метафору как конденсированную пропозицию с предикатом подобия (в духе G. Millera) или с предикатом ассоциации/отношения (в духе J. Searle'a), то возникает вопрос о механизме ее декомпозиции в речевой коммуникации. Совершенно очевидно, что информация типа *Когда я говорю о X, то я думаю о Y* слишком неопределенна: она содержит только интерпретативные предикаты (делиберативный и гностический), но не соотносит аргументы *X* и *Y* с какими-либо дескрипторами. Это означает, что метафора сама по себе, как языковой материал *неопределеннозначна* (термин В. В. Мартынова) – открыта для различных семантических интерпретаций – метафорических и неметафорических. На семантическую неопределенность, неточность метафоры указывают также другие авторы: Kaufer (1983), Pinkal (1980; 1985), Дённингхауз (2001). Рассмотрим пример:

(4) *Стоит дамочка, облокотившись на машину с открытым капотом. Подходит мужик и говорит: „Можно прикурить?“* („Комсомольская правда”. 14.08.2002)

Пока что у нас нет оснований для интерпретации глагола *прикурить* иначе, как в его основном значении ‘зажечь сигарету, папиросу от другой’. Но – читаем дальше:

(5) *Она ему: „Валяй!” Тот подсоединяет клеммы к аккумулятору*

Расширение контекста требует от нас корректировки принятой семантической гипотезы: *прикурить* интерпретируется метафорически, а именно – ‘зарядить аккумулятор, подсоединившись к другому, действующему аккумулятору’. Неопределеннозначность наиболее очевидна в случае так называемых сентенциональных метафор (*sentential metaphor*) (Miller 1979: 233): высказывание

(6) *Птичка улетела*

вне соответствующего контекста не будет декодировано как сообщение о побеге Джона из тюрьмы.

Исследователи, принадлежащие к когнитивному направлению, сами признают неоднозначность многих концептуальных метафор. Так, J. Taylor (1989: 136ссл.) пишет, что образная схема ‘верх – низ’ проецируется на три разные концептуальные области: 1) количество и степень, 2) оценку и 3) иерархию власти. Тогда возникает вопрос: как же в конкретных актуализациях схемы ‘верх – низ’ осуществляется выбор одной из этих интерпретаций? Как, например, следует истолковать выражение *высокие отношения* – как ‘отношения представителей политической элиты’ или же ‘хорошие, положительные в нравственном смысле отношения’?

Успешное функционирование метафоры обусловлено несколькими факторами. *Дискурсивный* (или *стилистический*) фактор декомпозиции метафорических выражений это – общность коммуникативного контекста, фиксированный тип (стиль, жанр) речевой деятельности. Тезису о всеобщности метафорической номинации можно противопоставить тезис о стилистической маркированности метафорических выражений. Так, Ю. С. Степанов (1997: 304), полемизируя с А. Б. Пеньковским, который на материале русского языка описывает метафорические модели концепта *радость*, реализуемые в конструкциях с глагольными предикатами *рождается, растет, живет, просыпается, затихает, умолкает* и т.п. (1991), справедливо указывает, что область функционирования этих метафор ограничена рамками литературного языка – в разговорной речи существительное *радость* вообще редко выступает в качестве подлежащего. В самом деле, в обыденной коммуникации мы отдадим предпочтение *синтетической* конструкции

(7) *Посмотри, как Петя обрадовался*
перед *аналитической* конструкцией

(8) *Посмотри, какая радость охватила Петю,*

которая содержит в себе явные черты книжного стиля. Значит, сфера употребления концептуальной метафоры чувство – это живое существо ограничена – закреплена за определенным типом (типами) речевого взаимодействия. Известно также, что многие книжные метафоры подобного типа являются заимствованиями, а следовательно, можно поставить под сомнение их репрезентативную первооснову.

В широком аспекте дискурсивный фактор следует рассматривать как тип культуры, который накладывает определенные ограничения на употребление метафорических выражений, ср. романтический и позитивистский подходы к метафоре.

Коммуникативно-тематический фактор функционирования метафор заключается в содержательной когерентности текста (дискурса), которая в определенной степени компенсирует метафорическую конденсацию смысла. Рассмотрим пример, анализируемый в работе (Dobrzyńska 1994: 85сл.):

(9) *Nie widziałam cię już od miesiąca.*

I nic. Jestem może blejsza,

trochę śpiąca, trochę bardziej milcząca,

lecz widać można żyć bez powietrza (М. Jasnorzewska-Pawlikowska)

Существительное *powietrze* ‘воздух’ является здесь метафорой любви: *Когда я говорю о воздухе, я думаю о твоей любви*. В принципе, в тексте нет прямых указаний на эту ассоциацию, и вырванное из контекста, высказывание

(10) *Można żyć bez powietrza*

было бы лишено метафорического смысла. Направление интерпретации определяет заданная в контексте тема любви и общая коммуникативная предпосылка, согласно которой по крайней мере некоторое время заданная тема должна поддерживаться всеми партнерами. Н. Р. Grice (1975) рассматривает подобные примеры как импликатуры, основанные на *принципе кооперации*, в частности, на *постулате релевантности*.

Когнитивно-культурный фактор функционирования метафоры заключается в том, что метафорическая проекция базируется на общем для участников информационного обмена тезаурусе – базе знаний (симптоматично, что русская номинация *со-знание* как раз и отражает когерентность концептуальных систем). Так, интерпретируя метафору *Miłość to powietrze*, Т. Dobrzyńska пишет:

Twoja miłość jest dla mnie... Aby powiedzieć, jaka jest dla mnie twoja miłość, myślę o powietrzu, ponieważ o twojej miłości można powiedzieć to, co się mówi o powietrzu: *Powietrze jest niezbędnie potrzebne do życia każdemu człowiekowi (a więc i mnie) → Twoja miłość jest mi niezbędnie potrzebna do życia [...]* Aby zrozumieć sens metafory, trzeba odwołać się do elementarnej wiedzy na temat powietrza. Powietrzu możemy przypisać m. in. konotację ‘niezbędne do życia’. Wystarcza ona do zrozumienia metafory” (1994: 85).

Общая база знаний проявляется в том, что в рамках языкового и культурного сообщества определенные концепты (понятийные категории) соотносятся с определенными прототипами – экстенциональными (т.е. конкретными референтами) или интенциональными (т.е. отдельными признаками). В принципе, на прототипический фактор ссылаются и сами авторы когнитивной гипотезы (Black 1990: 167; 1979: 28; Lakoff/Johnson 1980: глава 24). Механизм актуализации семантических прототипов в процессе декомпозиции метафоры можно представить следующим образом. Метафорическое выражение включает два понятия и промежуточный признак, который в дискурсе не актуализируется (Дюбуа/Пир/Тринон и др. 1986: 197). Этому признаку соответствует неопределенное местоимение *нечто* в следующей экспликации:

Когда я говорю о X, то я думаю нечто о Y

Поскольку за концептом, соответствующим символу *X*, в памяти носителей языка закреплены определенные прототипические признаки и референты, то неопределенное *нечто* легко конвертируется в конкретные дескрипторы:

Когда я говорю о X, то я думаю нечто о Y; я думаю о Y то, что я обычно думаю о X

Так, используя в метафоре *Miłość to powietrze* в качестве источника концепт *powietrze*, мы ссылаемся на *параметр по умолчанию* – прототипическое свойство источника ‘воздух необходим для жизни’, ср. экспликацию:

Я говорю: – Наверно, можно жить без воздуха

Когда я говорю о воздухе, я думаю о любви

Я думаю о любви то, что я обычно думаю о воздухе

Я обычно думаю о воздухе, что воздух необходим для жизни

Я думаю (сейчас) о любви, что любовь необходима для жизни

Каждое языковое сообщество в процессе жизнедеятельности вырабатывает свои системы концептуализации мира, поэтому метафорические модели накладываются на *культурный субстрат*. Основу метафорической номинации составляют не только опытные, эмпирические данные (в частности, образные схемы типа „верх – низ”, которым так много внимания уделяют Lakoff/Johnson), но и культурные стереотипы, которые нередко имеют условный характер (Beardsley 1990: 203). Так, в семантической структуре русского языка существительные *осел*, *свинья*, *слон*, *гиена*, *бык* и др. имеют сильные коннотации, а вот, например, у существительного *барсук* такой коннотации нет. Это проявляется в особенностях метафорической номинации, ср.:

(11) *Иван – осел*

(12) ? *Иван – барсук*

Указывая на сходство Ивана с ослом, мы актуализируем закодированный в нашей культуре прототип – [глупость], указание же на сходство Ивана с барсуком не имеет никакого семантического эффекта, потому что извлечь из культурной памяти соответствующий прототип не удастся. Носителями культурных прототипов являются *прецедентные тексты*.

Ситуативный фактор декомпозиции метафорических выражений заключается в общности референциальной ситуации. Действие этого фактора мы наблюдали при анализе русского глагола *прикурить*. Данный фактор, по существу, занимает центральное место в эмпирической концепции истины Lakoffa/Johnsona).

Наконец, *лингвистический* фактор употребления метафоры релевантен прежде всего применительно к конвенциональным (стертым) метафорам, значения которых закодированы в системе языка и доступны всем его носителям независимо от усвоенных специальных знаний, ситуации общения и речевого контекста. Однако метафорическая декомпозиция только на базе лингвистической компетенции встречается редко и вряд ли может быть успешной. Обычно данный фактор дополняется актуализацией паравербального контекста.

Вероятно, следует согласиться с N. Goodman'ом, который пишет:

Metaphor permeates nearly all discourse; thoroughly literal paragraphs without fresh or frozen metaphors are hard to find in even the least literary texts (1981: 226; см. также: Eco 1985: 243).

Но все-таки в разных типах дискурсов, при разных когнитивных, коммуникативных и ситуативных условиях речевой деятельности функционирование метафор – и в плане содержания, и в плане выражения – существенно варьируется. Это дает основание утверждать, что метафора представляет собой не только *универсальный*, но и *идиосинкратический* феномен.

Литература

- Алексеева Л. М. (1998), *Общие закономерности функционирования метафорического термина в научном тексте*, [в:] *Функциональные исследования*, вып. 6, Москва, с. 27–37.
- Баранов А. Н./Добровольский Д. О. (1997), *Постулаты когнитивной семантики*, „Известия АН. Серия литературы и языка”, т. 57, № 1, с. 11–19.
- Вачков И. В. (2000), *Основы технологии группового тренинга. Психотехники*, Москва.
- Выготский Л. С. (1982), *Избранные сочинения*, т. 2: *Проблемы общей психологии*, Москва.
- Дённингхауз С. (2001), *Море людей и пропасть цветов. Метафоры неопределенного количества*, [в:] Kiklevič A. (hrsg.), *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*, München, s. 61–75.
- Дюбуа Ж./Пир Ф./Тринон А. и др. (1986), *Общая риторика*, Москва.
- Жоль К. К. (1984), *Мысль. Слово. Метафора*, Киев.
- Киклевич А. К. (2000), *Дискурсные перекодировки: предпосылки и следствия*, [в:] Ухванова И. Ф. (ред.), *Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*, вып. 2, Минск, с. 64–78.
- Кустова Г. И. (2000), *Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений*, „Вопросы языкознания”, № 4, с. 85–109.
- Реформатский А. А. (1967), *Введение в языковедение*, Москва.
- Симашко Т. В./Литвинова М. Н. (1993), *Как образуется метафора (деривационный аспект)*, Пермь.
- Степанов Ю. С. (1997), *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.

- Anuth B. S. (1998), *Beobachtungen zur Metapher. Ein phraseologischer Versuch*, <http://www.hausarbeit.de/faecher/hausarbeit/lin/11144.html>.
- Bateson G./Bateson M. C. (1988), *Angels fear: an investigation into the nature and meaning of the sacred*, London. Цит. по: Бейтсон Г./ Бейтсон М. К. (1994), *Ангелы страшатся*, Москва.
- Beardsley M. C. (1962), *The Metaphorical Twist*, „Philosophy and Phenomenological Research” 22/3, p. 293–307. Цит. по: Бирдсли М. (1990), *Метафорическое сплетение*, [в:] Аругюнова Н. Д./Журина М. А. (ред.), *Теория метафоры*, Москва, с. 201–218.
- Bernáth Á. (2001), *Über Nietzsches Begriff der Metapher in seinem Essay „Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne”. Komponenten einer terminologischen Untersuchung*, „Jahrbuch der ungarischen Germanistik”, s. 15–32.
- Black M. (1962), *Models and Metapher. Studies in Language*, Ithaca/London. Цит. по: Блэк М. (1990), *Метафора*, [в:] Аругюнова Н. Д./Журина М. А. (ред.), *Теория метафоры*, Москва, с. 153–172.
- Black M. (1979), *More About Metaphor*, [в:] Ortony A. (ed.), *Metaphor and Thought*, Cambridge, p. 19–43.
- Cassirer E. (1925), *Sprache und Mythe*, Leipzig/Berlin. Цит. по: Кассирер Э. (1990), *Сила метафоры*, [в:] Аругюнова Н. Д./Журина М. А. (ред.), *Теория метафоры*, Москва, с. 33–43.
- Dobrzyńska T. (1994), *Mówiąc przenośnie... Studia o metaforze*, Warszawa.
- Furdal A. (1990), *Językoznawstwo otwarte*, Wrocław.
- Goodman N. (1981), *Metaphor as Moonlighting*, [in:] Johnson M. (ed.), *Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis, p. 221–227.
- Grice H. P. (1975), *Logic and conversation*, [in:] Cole P./Morgan J. L. (eds.), *Syntax and semantics*, V. 3, New York, p. 41–58.
- Jäkel O. (1994), *Wirtschaftswachstum oder Wir steigen das Bruttosozialprodukt: Quantitäts-Metaphern aus der Ökonomie-Domäne*, [in:] Bungarten T. (hrsg.), *Unternehmenskommunikation. Linguistische Analysen und Beschreibungen*, Tostedt, s. 84–101.
- Jäkel O. (1997), *Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft*, Frankfurt a.M./Berlin/Bern/New York/Paris/Wien.
- Jäkel O. (2002), *Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor (Applied to Religious Texts)*, <http://www.metaphorik.de>.
- Jakobson R. (1989), *W poszukiwaniu istoty języka. Wybór pism*, t. 1, Warszawa.
- Johnson M. (1987), *The body in the mind*, Chicago.
- Kaufert D. (1983), *Metaphor and Its Ties to Ambiguity and Vagueness*, „Rhetoric Society Quarterly” 13/3-4, p. 209–220.
- Lakoff G./Johnson M. (1980), *Metaphors We Live By*, Chicago/London.
- Lakoff G. (1987), *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*, Chicago/London.
- Leezenberg M. (2001), *Contexts of Metaphor*, Amsterdam/London/New York et al.
- Martin W. (1997), *A Frame-based Approach to Polysemy*, [in:] Cuyckens H./Zawada B. (eds.), *Polysemy in Cognitive Linguistics*, Amsterdam/Philadelphia, p. 100–120.
- Miller G. A. (1979), *Images and Models, Similes and Metaphors*, [in:] Ortony A. (ed.), *Metaphor and Thought*, Cambridge, p. 202–248.
- Nerlich B./ Hamilton C. A./ Rowe V. (2002), *The Socio-Cultural Role of Metaphors, Frames and Narratives*, www.metaphorik.de.
- Pinkal M. (1980), *Semantische Vagheit: Phänomene und Theorien. I.* „Linguistische Berichte” 70, s. 1–26.
- Pinkal M. (1985), *Logik und Lexikon. Die Semantik des Unbestimmten*, Berlin/New York.

- Sinha C. (1999), *Grounding, mapping, and acts of meaning*, [in:] Janssen T./Redeker G. (eds.), *Cognitive Linguistics: Foundation, Scope, and Methodology*, Berlin – New York, p. 223–255.
Taylor J. R. (1989), *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*, Oxford.

Streszczenie

Konceptualna metafora – uniwersalność czy idiosynkratyczność

Tematem artykułu jest rozpowszechniona we współczesnym językoznawstwie (także w slawistyce) teoria metafor konceptualnych, zainicjowana przez amerykańskich badaczy G. Lakoffa i M. Johnsona w latach 80. XX w. Rozpatrywane są najważniejsze założenia metodologiczne tego kierunku językoznawstwa, te osobliwości opisu materiału językowego, które współczesna lingwistyka zawdzięcza kognitywnemu (a szerzej – interpretacyjnemu) ujęciu systemów znakowych. Autor skupia uwagę na jednym z postulatów kognitywnej teorii metafor – na postulacie uniwersalności, podważając jego absolutny charakter. Szczególnym przedmiotem analizy autora są czynniki realizacji metafor konceptualnych w komunikacji językowej: dyskursywny, kulturowo-kognitywny, sytuacyjny oraz lingwistyczny.

Summary

The conceptual metaphor: universality or idiosyncrasy?

The subject of the article is the widespread in the contemporary linguistics (and also Slavic studies) theory of the conceptual metaphor, initiated by the American researchers G. Lakoff and M. Johnson in the eighties of the twentieth century. Analyzed are the most important methodological assumptions of this branch of linguistics, those peculiarities of the description of the linguistic material that contemporary linguistics owes to the cognitive (and interpretational, to be precise) perspective of sign systems. The author focuses on one of the postulates of the cognitive theory of metaphors, namely on the postulate of universality, challenging its absolute character. The most particular subject of analysis on the part of the author is connected with the factors of realization of conceptual metaphors in the linguistic communication: discursive, cultural-cognitive, situational and linguistic ones.